

Л. Н. АНДРЕЕВ

ПИСЬМО к А. М. ЕВЛАХОВУ

Публикация Ю. В. Бабичевой

Драматургическое наследие Леонида Андреева многообразно. Он писал бытовые и символические пьесы, выступал как зачинатель экспрессионистской драмы и был не чужд драматургического гротеска. Сам драматург проницательно относился к попыткам критики установить закономерность «поворотов» в его творчестве, заявляя, что он «никогда не останавливался на одной форме, не делал ее для себя обязательной — и вообще никогда не связывал свободы своей формой или направлением». ¹ Следует вспомнить, что в 1908 г. Андреев выступил со столь несхожими пьесами, как «Дни нашей жизни», сатирическая сценка «Любовь к ближнему» и фантазмагория «Черные маски».

Андреев высоко ценил свою драму «Черные маски», но критика не приняла ее, разноречиво истолковывая при этом андреевскую символику. Как бы предвидя это, драматург сам дал первоначальное истолкование своих символов. В повести «Мои записки», предварившей появление драмы, говорилось: «замок — это душа; господин — это человек, властитель своей души; странные маски — это те силы, которые действуют в душе человека и в таинственное существо которых он не может проникнуть никогда». ² Критика же увидела в андреевской пьесе и изображение души современного человека, живущего «в лесу виселиц», и воспроизведение души человека «вообще», и раскрытие, самовыражение личности самого автора.

Не менее горячие споры возникли семь лет спустя, когда Андреев выступил с новой пьесой — «Тот, кто получает пощечины», прошедшей в разных интерпретациях на сценах Московского драматического (премьера состоялась 27 октября 1915 г.) и Александринского (премьера — 2 фев-

¹ Литературное наследство, т. 72. М., 1965, с. 540.

² Андреев Л. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1913, с. 223.

раля 1916 г.) театров. Символическая двуплановость пьесы вызывала и двуплановость ее истолкования.

Ф. Сологуб писал об Андрееве как творце нового мифа. Я. Львов счел пьесу сказкой о заблудившихся в дебрях христианства прекрасных языческих богах. С. Кармин уловил в ней «жуткое предчувствие над-жизненных мистических сил».³

Критики, воспринимавшие «Тота» как современную драму, также разошлись в ее трактовке. Одни рассматривали ее как произведение социально-бытового плана с резко выраженной антибуржуазностью;⁴ других привлек обобщенно-философский смысл пьесы.⁵ Известный театральный критик А. Кугель дал отрицательный отзыв о пьесе, утверждая, что это «чистая литература», ее «мораль просто гнусна своей самонадеянностью», а идея «с большими претензиями и совсем махонькими осуществлениями».⁶

Некоторые критики уловили в какой-то мере связь новой драмы с «Черными масками». Так, родство их, хотя и вскользь, отметил друг Андреева, критик С. Глаголь (С. С. Голоушев). «„Тот“ Леонида Андреева, — писал он, — это маскарад, но маскарад, где маска у каждого срослась с кожей».⁷ Несколько позже на это родство указал А. М. Евлахов.⁸

Публикуемое письмо Л. Андреева, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 680), является ответом на письмо А. М. Евлахова, вызванное следующими обстоятельствами. 15 января 1916 г. в Ростове-на-Дону состоялась постановка пьесы «Тот, кто получает пощечины». Спектакль не имел успеха и более не возобновлялся. 17 января Евлахов, профессор Варшавского университета (в связи с первой мировой войной университет переехал в Ростов-на-Дону), выступил с публичной лекцией о пьесе. Он истолковал ее как вечно повторяющуюся трагедию высокой творческой мысли в практическом мире. Основная идея лекции Евлахова заключалась в утверждении, что герои пьесы, Тот и Господин, — двойники, связанные друг с другом фатально: творческая мысль не мо-

³ Сологуб Ф. Мечтатель о театре. — Театр и искусство, 1916, № 1, с. 11—15; Львов Я. О Психее и заблудших богах. — Рампа и жизнь, 1915, № 44, с. 8—9; Кармин С. «Тот, кто получает пощечины». — Там же, с. 8.

⁴ Ганжулевич Т. Книжные ценности. (Новый альманах «Шповника»). — Журнал журналов, 1916, № 14, с. 10.

⁵ Россов Н. Идея и форма. — Театральная жизнь, 1916, № 4.

⁶ Ното повус [Кугель А.]. Заметки. — Театр и искусство, 1915, № 49, с. 927—931.

⁷ См. в кн.: Андреев Л. Пьесы. М., 1959, с. 582.

⁸ Евлахов Александр Михайлович (1880—1966) — литературовед и психиатр. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1899—1903) и медицинский Азербайджанского университета (1920—1925). Автор сборника стихов «Песни минуты» (Варшава, 1915) и ряда работ по истории и теории литературы. Профессор романо-германской филологии. С 1908 г. преподавал в ряде университетов (Петербургском, Киевском, Донском и др.). С 1928 г. работал врачом-психиатром в Баку, Ташкенте, Ленинграде. Преподавал психологию и судебную психиатрию. В последние годы жизни заведовал кафедрой иностранных языков в Консерватории в Ленинграде.

жет жить непознанной и неувоенной, а в процессе познания и популяризации она неизменно опопляется. Ту же роковую связь Евлахов устанавливал между Консуэлой (Красотой) и Бароном (осквернителем Красоты). В качестве критерия оценки художественного дарования Андреева Евлахов выдвигал понятие «емкость», близкое в его истолковании понятию «символизм».

Неумеренные похвалы Евлахова и спорность его трактовки творчества Андреева вызвали своеобразный ответ. В газете «Приазовский край» (1916, № 16, 18 января) появился ядовитый фельетон Аркадия Счастливецова «Театральный разъезд. (Подражание Гоголю)». В нем предлагалось несколько заведомо нелепых истолкований «загадочной» пьесы, в том числе с намеком на Евлахова: Тот — это профессора Варшавского университета, Консуэла — университет, а барон Реньяр — город Ростов.

26 января «Приазовский край» (№ 24) опубликовал «Беседу с Федором Сологубом». Только что напечатавший статью об андреевской пьесе писатель оспаривал концепцию Евлахова, настаивая на том, что пьеса «Тот, кто получает пощечины» — мифологическая легенда об освобождении Психеи: «Консуэла — человеческая душа, которую „Тот“ освобождает смертью от пошлости».

Евлахов не сложил оружия. В том же «Приазовском крае» (№ 55 и 56 от 28 и 29 января) была опубликована его статья о пьесе с примечанием редакции, указавшей, что это изложение лекции профессора, прочитанной им в Ростове и Новочеркасске. Затем Евлахов издал данный текст отдельно.⁹

Возникшие споры вызвали у Евлахова желание ознакомить Л. Н. Андреева со своей трактовкой пьесы и узнать его мнение о ней.

Брошюра Евлахова была замечена театральными критиками. В статье «Тот, кто понимает» А. Кугель (под псевдонимом «А. Туманский») призывал защитить Андреева от «мелко плавающего, хотя и „емко“ объясняющего профессора Тота, который понимает».¹⁰ Однако сам Андреев считал трактовку своей пьесы Евлаховым наиболее отвечающей авторскому замыслу.

Многоуважаемый Александр Михайлович!

Ваше письмо застало меня как раз в ту пору, когда я был совсем болен и не в силах написать даже строчку. Теперь, после двух месяцев пребывания в лечебнице,¹ я немного оправился, хотя до настоящего здоровья еще далеко и о работе не может быть и речи.

Скажу откровенно, что Ваше письмо доставило мне большую радость. Мне так редко приходится встречать понимание моих вещей, их смысл и мои намерения так дико перевираются, что правильный подход Ваш к толкованию «Тота» представляется исключительным. И особенно порадовало меня отношение Ваше

⁹ Евлахов А. М. Кто получает пощечины в новой драме Л. Андреева. Ростов-на-Дону, 1916, 24 с.

¹⁰ Театр и искусство, 1916, № 24, с. 487.

к «Черным маскам», имя которых в общей критике стало нарицательным для обозначения моей «запутанной символики». Для меня лично «Черные маски» — самое значительное из моих произведений, самое близкое и душевно дорогое (при очень многих формальных недостатках исполнения). Но когда я говорю это, добрые люди смеются — Вы же, столь далекий от меня, чутко поняли это; больше того: поняв правильно Лоренцо, Вы смело и с тем же глубоким пониманием перекинули мост от него к далекому, казалось бы, и непохожему Тоту.

Конечно, они родственны: по духу своему, устремленному горé и связанному землей, по миру фантомов, в котором живут, по источнику страданий, из которого пьют оба. Лоренцо выше, невиннее и чище, нежели отяжелевший и приземлившийся Тот; Лоренцо парит там, где Тот ползет по земле, — но пути их параллельны и цель одна.

Я не знаю, была ли напечатана Ваша лекция или нет. Но если она существует в печати, я был бы рад получить ее от Вас и точнее познакомиться с ее содержанием. Пробыв два месяца в лечебнице, я, наконец, возвращаюсь домой и адрес мой: Финляндия, Териоки, Л. Н. Андрееву.

Крепко жму Вашу руку и очень жалею, что все еще продолжающееся нездоровье не позволяет мне написать Вам столько и так, как хотелось бы. Большое спасибо за радость.

Леонид Андреев.

6 апреля 1916 г., Петроград.

Публикуемое письмо является ответом на неизвестное нам письмо А. М. Евлахова, смысл которого, видимо, идентичен смыслу опубликованной лекции адресата. Судя по письму Андреева, Евлахов высказал в своем письме мысль о близости пьес «Тот, кто получает пощечины» и «Черные маски». В его лекции данная мысль отсутствует.

Узнав об обмене письмами, редакция «Приазовского края» обратилась к Евлахову с просьбой ознакомить читателей с ответом драматурга. 1 мая в газете (№ 114) появилась заметка «Письмо Леонида Андреева», в которой говорилось, что профессор Евлахов получил письмо от Андреева «в ответ на свое, к которому была приложена газетная вырезка с изложением прочитанной лекции. Профессора занимал вопрос, в какой мере он правильно воспринял и истолковал перед своей аудиторией последнее произведение знаменитого писателя». Далее приводился отрывок из публикуемого письма. Эта же выдержка была опубликована А. М. Лининым в статье «Neuere Forschungen über Leonid Andrejev. — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1931, № VIII. Со сноскою на статью Линина выдержка из письма цитировалась в кн.: Woodward J. Leonid Andrejev. A Study. Oxford, 1969, p. 211, 214—215.

¹ В феврале—марте 1916 г. Л. Андреев лечился в клинике доктора Л. Абрамова (Петроград, Тверская, д. 10). В первой половине февраля он писал брату Андрею: «Пробуду в больнице не менее 1½ месяца» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, № 4, л. 73 об.). 7 апреля он сообщил Б. Л. Садовскому: «Сейчас я уезжаю домой» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, № 17, л. 1—2) — и А. А. Измайлову: «Уезжаю домой, мало вообще поправившись» (ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 10, л. 50).